

Консервативная модернизация

Меня беспокоит, что при обсуждении проблем консерватизма не стоит проблема национальной конкурентоспособности. Только консервативный дискурс способен решить актуальные политические и социальные проблемы. Хочу напомнить про то, что мы сегодня почти не обсуждаем в связи с модернизацией, – это теории зависимого развития и теории империализма. Михаил [М.В. Ремизов. – Ред.] говорил, что это борьба консервативного подхода с транснациональными корпорациями. И поэтому некоторые выводы современных теорий империализма нам бы очень подошли. Крайне важно, что неразвитость – это не отставание, но намеренное понижающее развитие, развитие, которое приводит к примитивизации технологической структуры, примитивизации социальной структуры. А развитием это называют потому, что ВВП растет и уровень доходов растет. Но при этом происходит всяческая деградация. Давайте вспомним Россию 1990-х годов. Поэтому неразвитость – не путь к индустриализации, но неизбежное следствие независимости.

Либерализм имманентно содержит концепцию модернизации, основанную на универсализме ценностей, моделей и институтов. Модернизация предполагает линейную модель развития. За последнее время было проанализировано огромное количество практических проектов модернизации, проектов развития. Что выяснилось? Крах многих модернизационных проектов был обусловлен недостатками теоретической базы. Сегодня присутствует три варианта ответа на модернизацию: позиция Валлерстайна, позиция множественной модерности на разных идеологических концепциях (это очень важно в связи с консервативной модернизацией) и атака на модернизацию со стороны сторонников постмодерных взглядов. Их позиция: модернизация чревата большим нарративом, авторитаризмом и даже тоталитаризмом. Но при этом Хабермас – последний из великих художников – говорит о том, что развитие теории модернизации привело к разрыву между Модерном и западным рационализмом. В блестящей работе Алексея Зудина¹ «Модернизация и развитие» не разведены два понятия: «развитие» и «модернизация». Консерватизм всегда привязан к естественному ходу развития, а модернизации – всегда политический проект, а не продукт естественного развития системы. Наши либеральные коллеги говорят, что консервативная модернизация – это жареный лед. Нам предстоит теоретически срастить модернизацию и консервативный дискурс, что совсем не просто.

¹ По-видимому, имеется в виду работа А.Ю. Зудина «Очерки идеологии развития» (Тетради по консерватизму. 2014. № 2 (2). С. 7–18). – *Примеч. ред.*

Дискин Иосиф Евгеньевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института народонаселения РАН, председатель Комиссии по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений Общественной палаты РФ. E-mail: diskinc3d-fdisk.net

Первое. Не до конца понимается, что модернизация – это не технологии, это институты. Есть институты – будут инвестиции и технологии. Известная шутка: если шведов поселить в Африке, а африканцев в Швеции, то через тридцать лет в Африке будет, как в Швеции, а в Швеции будет, как в Африке. Культура воплощается в систему развития социальных институтов. Модернизация всегда связана с ростом социального напряжения и конфликтов, поэтому консерватизм как способ разрешения этих напряжений может быть успешно имплементирован в концепции модернизации. За последние четыре-пять лет произошла институциональная революция, которая подорвала доктринальный либерализм. После работы Дугласа Норта «Насилие и социальные порядки», с моей точки зрения, доктринальный либерализм умер. Почему? То, что было хорошо известно социологам и социологам, наконец признали теоретики институционализма, – прямое заимствование институтов не дает эффекта, тогда как эффективность институтов зависит от социальных условий. А прежняя концепция либеральной модернизации, согласно которой существуют идеальные институты, идеальные ценности, рухнула в результате теоретического и исторического анализа. Таким образом, либеральная модернизация при отсутствии либеральной социальной базы ведет к экономическому и социально-политическому краху. Философам с социологами трудно спорить, потому что ваше идеальное представление «нарисуем – будем жить», а жизнь – богаче и вообще другая. Или беднее. России нужен модернизационный проект, отвечающий ее специфике.

Давайте поговорим об этой специфике. Имеются вызовы, которые могут быть парированы только путем резкого повышения национальной конкурентоспособности. Без этого консервативный дискурс мертв. Необходимо поставить лозунг, что только консервативная политика способна дать адекватный ответ на современные вызовы России, то есть отечественные модернизационные проекты.

Реплика. У вас там Иван Грозный был.

И.Е. Дискин. Конечно! Это абсолютно модернизационный проект: российская армия была слеплена по образцу турецкой. Взяли и слепили из того, что было. Очень важно, что российские модернизационные проекты всегда исходили из идеолого-телеологической парадигмы. Это было телеологическое воплощение идеологически сформулированных концептов.

Реплика. Телеологическое.

И.Е. Дискин. Телеологическое. И это сегодня реализовать невозможно. Все вопли по поводу того, что можно обеспечивать модернизацию... Невозможно! Почему? Невозможна идеологическая мобилизация – это все понимают. Падение статуса идеологии в постсоветской России очевидно. И самое главное – низкое регулятивное влияние идеологических суперценностей на социальную деятельность. Я хотел бы обратить внимание на это обстоятельство. Идеологи перестали быть регуляторами реальной социальной активности – это исторический факт. Низкая эффективность идеологически сконструированных институтов. Все попытки либерально сконструированных институтов приводили к гигантскому зазору между сформированными легальными нормами и реальными социальными практиками. Недавний живой пример – попытка ввести допустимые промилле водителям привела к резкому росту автомобильных катастроф, поскольку это было воспринято как возможность выпивать за рулем. А еще недавно президент Путин привел пример, что либерализация Уголовного кодекса, выведшая из-под уголовной ответственности целый ряд проявлений и замена уголовной ответственности штрафами, привела к тому, что и посадок нет, и штрафов никто не платит. Это – не про клевету, а про декриминализацию экономических преступлений. Есть статистика на эту тему. Хотел бы обратить внимание на фундаментальные проблемы. Прежде все-

го – на разрыв между формальными нормами и социальными практиками и, соответственно, подрыв легитимности институтов оппортунистическим поведением. Это большая проблема институционального развития: противоречие между навязыванием новых институтов и моделей, с одной стороны, и нуждой в стимулировании социальной активности, развития человеческого капитала как главных ресурсов современного развития, с другой. Другая проблема – декоративное государство. Не буду заниматься критикой, но и не следует забывать, что под оболочкой всесильного государства скрывается малоэффективная система управления, плохо заточенная на развитие. Необходимо понять, что Россия развивается совсем не так, как предполагалось по Веберу и Парсонсу. Все модернизационные модели были построены, исходя из классической модели трансформационного перехода, в рамках которой в ходе секуляризации одни универсальные ценности должны сменяться другими, при сохранении общего уровня социальной интеграции и социального регулирования. Что же произошло в России? В России сложилась неклассическая модель социальной трансформации. Низкая регулятивная роль универсальных ценностей и этических норм. Низкое доверие к безличностным институтам и высокое влияние партикулярных ценностей. Соответственно, имеющее место институциональное функционирование действует за счет другого механизма. В России сложилась конвенция о неформальных нормах относительно меры соблюдения формальных норм. Сегодня Валерий Федоров уже упоминал вопрос близости к тому, кто определяет рамки этой конвенции. Я категорически никаких обличений не хочу, так как считаю, что теория должна объяснять, а не обличать.

Реплика. Что есть партикулярные ценности?

И.Е. Дискин. Партикулярные ценности – это доверие к друзьям. Самое главное, что их интерпретация зависит от конкретных условий. «Пусть погибнет мир, но торжествует юстиция» – это норма универсальная. А «закон – что дышло, куда повернем, туда и вышло», – это ценность партикулярная. И напомним, что лучшим изобразителем партикулярных ценностей был диалог в «Горячем сердце» Островского, когда купцы пришли к Серапиону Мардарычу Градобоеву: суди ты нас, батюшка, как твоей душе угодно. То есть за фасадом формальных институтов скрываются сети доверия, основанные на межличностных отношениях и конвенциях. Поэтому в России нет либеральной социальной базы и нет шансов на успех либеральной модернизации. Но модернизировать страну надо, потому что иначе не решается проблема национальной конкурентоспособности и краха национальной государственности. И вот она, институциональная конвенция. Очень выросла (я говорю как эмпирический социолог) рационализация активных групп населения, идет рефлексия социально-экономических практик и оценка последствий нарушения норм социально-экономической жизни. Они запустили выработку конвенций. Конвенция устанавливает неформальные нормы функционирования институтов, включая меру возможного нарушения формальных, в том числе легальных, норм в зависимости от близости к центру власти. Хочу напомнить, что однажды так было (Сулла: «Друзьям – всё, врагам – закон»). И мы видим это сегодня во многих социальных практиках, когда чуть что – вспоминаются жесткие правовые нормы. Подобные конвенции существовали во всех нормах до XX века и лежали в основе всех серьезных консервативных практик. Нужно понимать, что склеивание консерватизма с легальными нормами – это изобретение уже второй половины XX века. Налицо развилка. Либо поддержание высшей властью консервативной эволюции конвенции в сторону большего соблюдения норм, либо разрушение конвенции, к которой нас все время призывают наши коллеги, оппоненты-либералы, которые ведут к росту институциональных и социально-политических рисков. Почему? Потому что неустраним пока зазор между легальными нормами и со-

циальными практиками, и он может быть обеспечен либо наглой беззастенчивой коррупцией, либо эволюцией той самой конвенции, о которой я говорю. А как, вообще говоря, осуществляется институциональное реформирование? Имеются ли у нас социологические предпосылки для той самой эволюции конвенции, которая нам необходима. Когда нам говорят о том, что для институционального реформирования необходимо активное и рациональное большинство – это не так. Важно, чтобы это было благожелательное большинство, не генерирующее социальное напряжение. Социологический анализ показывает, что при наличии 20–25% готовых рационально оценивать институциональные новеллы, адаптировать и запускать процесс адаптации, обеспечивать выгоды этого вполне достаточно. И это большинство у нас есть. Для того чтобы запустить эти механизмы и получить поддержку новой России рациональных, ответственных и активных групп, которые исповедуют консервативные ценности, необходимо сменить бюрократические подходы на политические, что в большой степени делает Народный фронт, и доформатировать это его фокусирование на смену бюрократического подхода политическим. Вот яркий пример разницы между бюрократическим и политическим подходами: история с повышением зарплаты учителей. Было сказано «повысить до среднего уровня». Но не было дано политического разъяснения, что речь идет о повышении не окладов, а доходов в ответ на увеличение работы. Люди же восприняли, что им обещают повышение ставок. В результате потратили огромные деньги и получили рост недовольства. Кроме смены бюрократического подхода на политический, необходимо заменить технократизм социальным измерением. Для либерализма характерен технократический подход. Для консерватизма традиционно социальное измерение.

И, наконец – национализация элиты. Вот предпосылки консервативной модернизации. А социальная база у нас есть – 25–30% достаточно по той схеме, которую я охарактеризовал. Институциональная конвенция существует, и уже идет ее эволюция.

Нам говорят: необходимо выбирать лучшие институты, а дальше мы их будем продвигать легальными средствами. Что это означает? Это означает, и мы это видели во многих развивающихся странах, при зазорах между нормами и социальными практиками имеют место рост коррупции и невозможность адаптации игроков. Поэтому либеральная логика в отсутствие либеральной социальной базы – это высокие риски кризисов и потрясений.

Теперь консервативная логика. Выбор образцов, решавших сходную проблему в сходных обстоятельствах, корректировка образца с учетом позиции игроков, что было всегда важно для консервативного подхода, и поддержка институтов за счет партикулярных ценностей. Сегодня мы имеем такой пример. Реформирование в МВД предусматривает, как вы знаете, поручительство за тех, кого назначают на высокие должности. Классическая партикулярная ценность. То есть когда припирает, эту практику все же используют. Необходим мониторинг хода адаптации и корректировка институтов. Ниже темпы, зато существенно меньше риски и издержки.

В заключение – главное. Без поддержки консервативно ориентированного гражданского общества институциональная модернизация невозможна.

М.В. Ремизов. Есть научная традиция спора. И в разговорах о либерализме рассуждения о смерти, о банкротстве иногда корректно, иногда не очень звучали в сегодняшних выступлениях. Во-первых, это некорректно по отношению к носителям либеральной идеи, которые еще не вымерли. Во-вторых, это обрекает синтезируемую вами идею консерватизма на ту самую несамостоятельность, о которой ранее говорил Алексей Зудин, констатируя, что консерватизм – это ответ на западные угрозы. Было бы справедливо говорить о либеральной идее более корректно для поддержания исследовательского тона. Это не только к Иосифу [И.Е. Дискину. – *Ред.*], и раньше звучали подобные замечания. Мы не в телевизоре, и есть смысл поддерживать более высокий стандарт экспертной дискуссии.

И.Е. Дискин. За телевизор не отвечаю, а то, что в либеральном дискурсе наличествует идея универсальных внеисторических ценностей, – это не является предметом обсуждения. Я же не говорил о смерти либералов. К этому я ни в малейшей степени не призываю. А о том, что либеральное доктринерство умерло в тот момент, когда стало понятно, что эффективность институтов определяется социальным контекстом, – это сказал все-таки нобелевский лауреат, один из идеологов либерализма. Это свидетельствует о том, что либеральной доктрине вынесен смертный приговор. Тот же Норт говорит: рецепты, связанные с тем, что необходимо использовать лучшие институты, – неприменимы к реальному обществу. Думаю, Норт плохо отразился – он же просто похоронил либеральную доктрину. А либеральные ценности еще долго будут жить, и дай Бог им здоровья, в тех резервациях, где им место отведено.

М.В. Ремизов. Подобного рода эмоции снижают продуктивность экспертной дискуссии.

Л.В. Поляков. Хочу поддержать главный посыл Иосифа. Здесь не важна привязка конкретно к либерализму. Здесь проблема заключается в том, что модернизация как попытка перенести чужой опыт в совершенно другие условия обязательно ведет к циклу катастроф. По сути дела, это самоубийственный способ развития, если

применять термин «понижающее развитие». В истории России за последние сто лет два случая национальной катастрофы в три дня. Вот Розанов писал: Россия слиняла в три дня. Здесь можно иметь в виду и февраль, и октябрь одновременно. И 1991 год – с 19 по 22 августа исчез СССР. Никто не вышел защищать царя в 1917-м, никто не вышел защищать СССР в 1991-м. При том, что существовала огромная иллюзия: это супердержавы. Катастрофа супердержав в обоих случаях вызвана, на мой взгляд, одним и тем же феноменом – попыткой модернизировать путем прямого заимствования без опоры на широкий круг тех самых 25–30%, а лучше бы 50–60%. Механизм такой модернизации очень простой: если ты берешь образец, то тебе нужны специалисты – условно говоря, гарвардская школа, чикагская школа. Должны приехать люди, которые знают, как эти институты построить. Из этого получается следующий эффект: приезжает немецкая слобода, она отторгается большинством, но при этом немецкая слобода берет под контроль власть, заказавшую модернизацию. В результате в любой кризисной ситуации, когда нужно консолидировать защищающее большинство, консервативное большинство, его не оказывается, потому что это большинство не чувствует государство своим. Мне кажется, сегодня вообще последний шанс в этом смысле.

С.Ф. Черняховский. На мой взгляд, мало кто способен четко определить – когда он говорит о модернизации, то имеет в виду модернизацию или вестернизацию. Большая часть людей, которая говорит о модернизации, имеет в виду вестернизацию.

К вопросу о гибели либералов и либерализма. Не думаю, что либерализм как идеология, рожденная на определенном историческом этапе, сегодня умер в мире. Но в России в постсоветский период его и не было. Я не видел ни одного человека, который причислял бы себя к либералам и хоть что-нибудь понимал в базовых ценностях либерализма. Конечно, исключая специалистов в политической философии. Об этом еще в середине 1990-х годов польский исследователь Шацкий писал, что появилось явление протилиберализма, то есть спекуляции на либеральных терминах и знаменах ради осуществления антикоммунистической политики. Он писал не о нас,

а о странах Восточной Европы. Для этих людей самооценностью является антикоммунизм, и они ничего не понимают в либеральных ценностях и предельно чужды им. Мне кажется, либерализм еще просуществует – появились бы в России российские либералы.

А.Ю. Зудин. Прежде всего, спасибо Иосифу за два тезиса. Первый – о том, что судьба российского консерватизма связана с национальной конкурентоспособностью. Это и есть самая главная, по большому счету, задача, которую призвана решить мировоззренческая революция, которая, как, наверное, надеются консервативно ориентированные интеллектуалы, предстоит нашей стране.

Второй – тезис по поводу Норта. Безусловно, книга Норта знаменует доктринальную смерть либерализма, только не того либерализма, по поводу которого отреагировал Михаил [М.В. Ремизов. – *Ред.*], а того, что в просторечье называется глобализмом, экспансией, а в советское время называлось империализмом. Правда, доктринальный либерализм, который империализм, глобализация и т.д., об этом не знает. Даю справку. Опыт проведения нескольких обсуждений книги Норта в Высшей школе экономики показывает, что она при помощи двух-трех пассагов перекодируется в старый разговор по поводу открытого и закрытого общества. Сознание абсолютно герметично – оно эти вещи не воспринимает, сопротивляется со страшной силой. Причем в лице, скажем так, не самых плохих представителей. То есть усвоение идей Норта у нас пойдет трудно, противоречиво и породит массу гибридов.

И.Е. Дискин. Хотел бы добавить указание на одно различие. В институциональном развитии либералы и консерваторы по-разному определяют свою цель. Либералы решают задачи, а консерваторы традиционно решали проблемы. И, кстати, не только либералы, но и социалисты. В чем разница? Есть проблема с сиротами. Как на это отвечали рационализированные западные общества, и как на это отвеча-

ло советское общество? Строительство детских домов и приютов. Но как только возникла проблема последующей социализации этих детей, стало понятно, что никакие детские дома и приюты проблему не решают. Ответом стало использование абсолютно партикулярных механизмов усыновления. И у нас в России количество детских домов сократилось на 50%. Если мы принимаем идею, что консерватизм должен прокладывать путь к национальной конкурентоспособности, следует продвигать различие в подходах и продвигать проблемное видение.

Л.В. Поляков. Иосиф поставил одну очень важную точку в нашем разговоре – различил проблемы и задачи, и в связи с этим привязал консерватизм к проблемности, а задачность – к либерализму. Хайек в статье «Why I Am Not a Conservative» как раз говорит, что его иногда считают консерватором, хотя по американским стандартам он New Right, классический либерал – не New Right в Америке. Что не устраивало Хайека в консерватизме? Именно то, что он все время решает проблемы, то есть отвечает на вызовы, созданные кем-то. В то время как либерал с его темпераментом не может себе позволить сидеть спокойно и не проектировать реальность. Что такое задача? Я вижу нынешнюю реальность и воспринимаю ее критически, она меня не удовлетворяет, я ставлю задачу по ее трансформации. Консерватор же сидит спокойно, ловит рыбу, по Оукшотту, или просто наслаждается дружбой. Вдруг появляется проблема. Тогда он ее решает, исходя из конкретного контекста, из традиций, находя адекватные средства.

И.Е. Дискин. Коллеги, источником преобразований для консерватора всегда была генетическая реальность, источником для либерала – ответственность неким универсальным ценностным установкам. Традицией России, к сожалению, были идеологически вдохновленные модернизации. Чего мы не хотим и не можем себе позволить.